

го губернского музея в количестве 700 томов и 85 названий учебных пособий [3, л. 11].

В конце XIX в. по предложению органов управления учебными заведениями Западно-Сибирского учебного округа стали создаваться стационарные музеи, например Педагогический музей Томских приходских училищ, первоначально находившийся в здании бесплатной библиотеки, а в 1900 г. переведенный в помещение при Александровском женском приходском училище. В постановлении попечителя о создании музея отмечалось, что «здесь музей более доступен для пользования всех преподавателей и преподавательниц городских училищ, а равно слушательниц педагогических курсов и воспитанниц педагогического класса женской гимназии [4, л. 1]. Фонды педагогических музеев включали в себя не только учебники и учебные пособия, но и предметы наглядного обучения (коллекции минералов, физические и химические лаборатории), географические и исторические карты, учебные игры и развлечения, подборку многих общероссийских и региональных педагогических журналов. В 1900 г. при Бийском Пушкинском 3-классном городском училище были открыты публичная педагогическая библиотека и музей наглядных учебных пособий. В том же году было разрешено создание библиотеки и музея при Барнаульском 2-классном городском училище. Все эти заведения учреждались при поддержке попечителя Западно-Сибирского учебного округа, но с условием, «чтобы как библиотека, так и музей учебных пособий были доступны лишь преподавателям учебных заведений уездов и при том, чтобы пользование книгами и пособиями было бесплатно» [4, л. 1].

Педагогические музеи постепенно расширяли сферу своих интересов, собирая уже не только учебные пособия, а все, что относилось к проблемам просвещения. В 1904 г. инспектор народных училищ 2-го района Томской губернии г. Барнаула обратился к заведующим школами уезда с просьбой «выслать в музей для выставки 3 лучших письменных работы, 3 средних и 3 худших, а также рукоделия, где таковое преподается» [2, л. 33].

Для большинства западносибирских педагогических музеев главной проблемой были финансы. Томский музей городских начальных училищ получал всего 100 рублей ассигнациями. Как указывал инспектор училищ 1-го района г. Томска Дубровский, «помянутых средств крайне недостаточно для того, чтобы музей мог в большей или меньшей степени выполнять свое важное предназначение» [4, л. 2]. По разрешению попечителя Западно-Сибирского учебного округа на музей в 1901 г. было отпущено еще 100 рублей.

Деятельность педагогических музеев и педагогических библиотек региона имела колоссальное значение в условиях низких доходов большинства членов педагогического сообщества, что не позволяло им покупать необходимую для повышения квалификации учебную литературу. А. Н. Куломзин писал: «Безотрадно его (учителя) имущественное положение, так безотрадно, что поневоле удивляешься, как вообще сравнительно мало незамещенных вакансий». Школьный оклад учителей городских училищ без казенной квартиры составлял 490–604 рубля. Средний бюджет семьи с двумя детьми (не считая одежды) составлял в Омске 545 рублей, в Петропавловске — 576 рублей, в Кокчетаве — 780 рублей, в Акмолинске — 987 рублей [1, с. 50]. Кроме того, в силу географической удаленности многие новые издания были недоступны для народных учителей, большинство из которых, работая в сельских училищах, выезжали в города только на летние курсы. Фондами педагогических музеев могли пользоваться не только правомочные учителя, но и кандидаты, готовящиеся к сдаче экзамена.

Таким образом, учреждения педагогического образования (учительские семинарии, институты, педагогические курсы, музеи и библиотеки) с просветительской функцией педагогического образования справлялись достойно. Именно за счет участия педагогов в просветительских и благотворительных организациях, безвозмездной работы в структуре народных чтений, школ в регионе расширился слой грамотных людей, сложился особый контингент региональной интеллигенции.

Источники и литература

1. Всеподданнейший отчет статс-секретаря А. Н. Куломзина о поездке в Сибирь в 1896–1897 гг. СПб., 1898. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 143.
2. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 295.
3. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 97.
4. ГУ ИСА ОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 31.
5. Двадцатипятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений (1864–1889). СПб., 1889.
6. Приказ Степного генерал-губернатора // Сибирская жизнь. 1904. 20 марта. С. 2.
7. Фураев Г. К пятилетнему юбилею Союза работников просвещения Омского губотдела 1895–1924, Омск. 1924.
8. Хроника // Русская школа. 1898. № 1. С. 312.
9. Хроника // Русская школа. 1898. № 12. С. 138–145.

И. В. Шлейхер

Самая первая экспедиция

История сибирской этнографии, особенно в части изучения быта русского населения, еще не написана, но когда-нибудь это непременно случится. Однако тот, кто поставит перед собой эту благородную задачу, столкнется с немалыми трудностями. Например, не каждый специалист назовет отчество Марии Ва-

сильевны Швецово, написавшей капитальную, не устаревшую и поныне работу «Поляки Змеиногорского округа», которая цитируется почти в каждой статье о староведах Алтайского края. Биография Нины Ильиничны Каплан, автора «Очерков по народному искусству Алтая», тоже известна лишь немногим людям,

бок о бок работавшим с ней, хотя ее книга до сих пор является настольной для каждого изучающего урало-сибирскую роспись. Многие современные ученые из природной скромности или по сложившейся привычке ничего не пишут о себе, о своих методах работы, об ошибках, идеях и сомнениях. Они сообщают читателю только суммированные факты и готовые выводы по определенной научной проблеме. К сожалению, теперь почти не создается трудов, подобных «Путешествию на „Кон-Тики“» Тура Хейердала или «Рассказам литературоведа» Иракия Андроникова, где читатели радовались каждому озарению и сопереживали каждой неудаче этих страстно увлеченных своим предметом исследователей. Но творческая «кухня» современных ученых не менее увлекательна, чем столетия назад. Хочу поделиться воспоминаниями об этнографической экспедиции, которую возглавляла одна из самых известных сегодня исследовательниц русского крестьянского быта на Алтае Виктория Анатольевна Липинская и в которой мне посчастливилось участвовать.

Два десятилетия назад, в августе 1991 г., Краевое управление культуры направило нас, двух молодых сотрудников Центра фольклора и народных ремесел¹, в экспедицию, организованную Институтом этнографии Академии наук СССР. Женя Кондручин должен был снимать на видео и фотографировать все достойное внимания. Моя задача состояла в посильной помощи там, где это потребуется, вплоть до чистки картошки, а сверхзадача – смотреть, как работают профессионалы.

Первая в жизни экспедиция стала отличной школой полевых исследований, методика которых для автора этих строк была тогда тайной за семью печатями. В середине 1980-х гг. этнография на истфаке АГУ преподавалась как дисциплина, нашедшая ответы почти на все вопросы, и, видимо, поэтому проблемы сбора информации не занимали в ней центрального места. Кроме того, объектом ее изучения были в основном племена дальние и экзотические, к каковым русские крестьяне не относились. Путь экспедиции лежал в Чарышский район и граничащие с ним территории. Эта область была выбрана потому, что здесь бок о бок, часто в одной деревне, жили три категории населения, типичные для Алтайского края: казаки Бийской казачьей линии, старoverы-кержаки и переселенцы, как правило, православного вероисповедания. «Наша задача: выявить эти три группы, определить их этнографическую характеристику и собрать сведения об их взаимоотношениях» [1].

Микроавтобус, ведомый шофером Витей, резво катил по изумительной красоты предгорьям. Подпрыгивая на ухабах, я украдкой рассматривала москвичей: начальник отряда – светловолосая хрупкая женщина с высоким, спокойным голосом. Брюки, блузка, на голове – беленький платочек, повязанный рожками на лбу, по моде пятидесятых. Сергей Сергеевич, специалист по северным народам, с дочкой Машей.

...В большое старинное село – если не путаю, это

был Сентелек – коровы пришли вечером, как им и полагается, но в родные дворы заходить почему-то не спешили, а терпеливо топтались, каждая у своей калитки. Надо сказать, что я хоть и выросла в городе, но каждое лето месяца по два жила у бабушки в деревне, да и муж мой родом из немецкого села в Кулундинской степи, куда мы в ту пору ежегодно наведывались. Одним словом, повадки коров для меня не были загадкой, но такое поведение крупного рогатого скота пришлось наблюдать впервые. Услышав призывное «Му-у-у!», хозяйки выходили за забор, садились на принесенную с собой табуретку и начинали дойку. Закончив процедуру, любовно шлепали своих Зорек по крутому боку, и те шли бродить по деревне до утра, пока пастух не соберет и не погонит стадо на пастбище. Пережитки поскотинной системы, как объяснила Виктория Анатольевна. Дрова здесь тоже складывали необычно – в виде своеобразных стогов, когда поленья лежат концентрическими кругами, которые постепенно сужаются кверху. Говорили, что в таком виде они лучше просыхают (через пять лет в Германии, в горном Шварцвальде, я увидела точно такие же поленицы-стога).

В Тулате мы замеряли и фотографировали двухэтажный деревянный дом. Под окном паслись жеребята, а по пыльной улице то и дело проносились «верхами» мальчишки лет шести-семи. Скакали они лихо – без седла, выгоревшие волосенки по ветру. На одном даже была старая дедовская фуражка с цветным околышем. Чему удивляться – казачья станица. Конь здесь был в каждом дворе. Еще запомнились нарезанные золотистыми дольками яблоки, сушившиеся в одной ограде на печных «протвнях». Или «противнях»? Виктории Анатольевне так и не удалось отучить меня от сибирских словечек и ударений – по сей день, зная, что это неверно, говорю «ножницами». А вот научить она сумела многому.

На всю жизнь запомнилось железное правило: приехал в село – сразу ищи сельсовет и договаривайся о ночлеге и питании. Это потом – списки самых старых жителей села, школьный музей и летопись, написанная энтузиастами-краеведами. Забота о быте создавала здоровую атмосферу среди сотрудников и придавала всей работе основательность, домовитость. С тех пор я обладаю универсальным рецептом гречневой каши, которая выручала нас в этой экспедиции: с утра в литровую банку насыпается стакан крупы и наливаются два стакана воды, потом туда опускается кипятыльник; как только вода закипит, банка закрывается крышкой и закутывается в одеяло потолще. Да, все это надо посолить. К обеду, когда мы, усталые и голодные, возвращались «с поля», нас ожидало готовое питательное блюдо с пылу с жару.

Каждый вечер мы за «круглым столом» обменивались собранной за день информацией, планировали походы по домам на завтрашний день, обсуждали возможные маршруты. В последнем возникла необходимость, когда на пути нашей машины вставали непреодолимые препятствия в виде невысоких, но достаточ-

¹ Ныне отдел возрождения русской традиционной культуры в Государственном художественном музее Алтайского края.

Рис. 1. Экспедиция началась! На фоне рериховских гор. Слева направо: водитель Виктор, И. Шлейхер, В. А. Липинская, Маша и Сергей Сергеевич. Фото Е. Кондручина

но крутых горок. Тут техника с каким-то неподходящим для этого то ли передним, то ли задним приводом регулярно отказывала, и мы карабкались вверх пешком, обливаясь потом. Особенно страдал Женя под тяжестью камер и фотоаппаратов. Другая проблема возникала, если дороги, указанной на карте, больше не существовало, и мы справлялись у местных жителей, как нам добраться до нужной деревни. На этот вопрос мы всегда получали обнадеживающий ответ: «Дорога туда одна, и прямая!», чтобы через пять минут неминуемо приехать к развилке как минимум трех. Это выражение вошло у нас в поговорку, хотя мы, безусловно, понимали: для местных дорога была действительно одна, причем прямая, ведь они точно знали, какая из трех им нужна! Но вернемся к науке.

В ржавом пруте, гнилой бакулке или замусоленной тряпке Виктория Анатольевна с ходу распознавала безмен, мутовку или подзор. Бывало, идем мимо сарая, она потянет за какой-то замшелый черенок и вытащит – то лопату для хлеба, то терку для кедровых орехов. Громадная чурка, принятая мною за колоду для рубки мяса, была с ходу опознана как долбленая ступа, а пористое, серое от времени бревно – как мялка для льна. Кстати, оба эти предмета из Покровки украсили коллекцию экспонатов Фольклорного

центра. Я сделала для себя важный вывод: чего не знаешь, того не видишь.

Покровку я помню хорошо – очень красивое место, но ни школы, ни магазина. Поэтому люди почти все разъехались, остались одни старики. Через опустевшую усадьбу на краю деревни протекал ручей, на берегу которого стояла баня, топившаяся по-черному: без трубы, с отверстием в стене для выхода дыма. Во дворе сохранился амбар, в избе – глинобитная печка и полати, а в горнице стояли кросна. В сущности, готовый комплекс для музея под открытым небом. Владелица умерла, дом принадлежал ее дочке, жившей в райцентре.

Интервью Виктория Анатольевна вела виртуозно. Человек чувствовал: он является источником бесценной информации, которая попадает в руки заинтересованного слушателя. «Золотым ключиком», открывавшим сердца стариков, была доверительная фраза, сработавшая всегда и везде: «А вот моя бабушка рассказывала...». Информант либо подтверждал эти сведения, либо возражал, приводя примеры из своей жизни или ссылаясь на собственных родственников. При этом было важно, формулируя вопрос подобным образом, не сказать чересчур много, не подбрасывать своих идей, чтобы не направить человека по ложно-

Рис. 2. Никуда не спешим – редкий случай!
Фото Е. Кондручина

му пути или не отбить у него интерес к разговору: дескать, вы уже и сами все знаете, чего уж нам!

Чтобы побудить бабушек и дедушек получше вспомнить прошлое, часто приходилось разыгрывать наивное неведение. На этой почве порой происходили забавные стычки с оператором Женей, который, устав без конца слушать надоевшие вопросы и желая разом покончить со всей этой канителью, бурно вклинивался в неспешно текущую беседу: «Чем косили, чем косили! Литовкой, вам же об этом уже сто раз сегодня рассказывали!» Сама я была не лучше. До сих пор не могу без стыда посмотреть двухминутную запись, где я пыталась показать восьмидесятилетней старушке, как работают ее (!) воробы. Мало того, что я не понимала механизма тканья, у меня еще и не хватало ума молча выслушать сведущего человека.

Медленно приходило умение не перебивать и не корректировать, даже если казалось, что информант повествует «не из той оперы». Многие сведения, представлявшиеся мне дикими, таковыми вовсе не являлись. Помню, как удивил меня факт наличия в начале XX в. практически в каждой семье 4–5 коров и нескольких лошадей. Это совсем не совпадало с привычной картиной обнищания деревни накануне революции. Кстати, этого слова местные старики не употребляли. Они говорили «восстание»...

Известие об аресте президента застало нас в Генералке Краснощековского района. Вечером москвичи не отрываясь смотрели телевизор и гадали, пройдут ли по их улице танки. Дозвониться ни до Москвы, ни до Барнаула мы не могли. Два бронетранспортера защитного цвета, брошенные неизвестно кем и когда на берегу местной речушки, настроения не улучшали. Но работа продолжалась.

Рис. 3. Мялка для льна, д. Покровка Чарышского района. Экспозиция ГХМАК

Рис. 4. Долбленная ступа, д. Покровка Чарышского района. Экспозиция ГХМАК

...Мы опять вернулись в Чарышский район, в Усть-Тулатинку. Здесь я впервые встретила с настоящей, можно сказать, профессиональной народной целительницей. Из соседних деревень на несколько месяцев родители привозили ребятишек к ней на лечение. Насколько помню, список недугов включал родимчик, испуг и золотуху. От золотухи бабушка лечила яичным дегтем и даже описала, как его делать – «сидеть» – из яичных желтков. Правда, на следующий день, когда мы снова пришли уточнить кое-какие детали, целительница встретила нас жуткой бранью и упрекнула в осквернении памяти ее родителей. Побушевав немного, старушка вдруг сменила гнев на милость и продиктовала некоторые заговоры [2, с. 192]. От этой сухонькой старой женщины действительно исходила сила, заставлявшая верить каждому ее слову. Когда я пожаловалась на головную боль, она поводила у моего лба руками, очень пристально посмотрела в глаза, и я почувствовала полное растворение в чужой воле и невиданное облегчение.

От Усть-Тулатинки осталось двойственное впечатление. Жители на крыльце магазина, завидев нас, всё порывались спеть песню. А вечером в школу, где мы разместились, ворвалась женщина с безумными глазами и горячо просила взять в Москву письмо, потому что отсюда правды не добьешься. Зато на школьном огороде росли помидоры и болгарский перец. Нам разрешили их нарвать, и это был королевский ужин накануне отъезда – овощное рагу с молодой картошкой.

...Стопка тонких тетрадей в клеточку заполнена полевыми дневниками, микроавтобус так забит предметами народного быта и орудиями крестьянского труда (безусловная заслуга Виктории Анатольевны!), что некуда поставить ноги. Мы отправляемся домой – кто в Москву, писать новые книги, кто в Барнаул, регистрировать драгоценные экспонаты.

Многое забылось за двадцать лет, но эта, самая первая в моей жизни экспедиция оставила глубокий след в душе и показала на деле, что же это за наука такая – этнография и что это за люди – этнографы.

Источники и литература

1. Баня и печь в русской народной традиции / под ред. В. А. Липинской. М., 2004.

2 Липинская В. А. Историческая записка. Чарышский район, 1991 г. Архив ГХМАК.